

I.

Жизнь и труды А. А. Козлова.

Wer hat gestrebt wie ich? Wo ist der Pfad
Der Kunst, der Wissenschaft den ich nicht schritt?
Weit ferner, kühner (ohne Rühmen darf
Ich's sagen) drang ich darauf fort als alle
Die Herren, die beim ersten Meilenstein
Umkehrten, voll von ihrer Reise Wundern
Und als gelehrte, selbstzufriedne Thoren
Von grössern Thoren angestaunt sich brüsten.
Ich aber wanderte und wanderte...

(*Grabbe*, Don Juan und Faust, актъ I, сцена II,
монологъ Фауста).

Алексъй Александровичъ Козловъ родился 9 января 1831 года въ Москвѣ и выросъ среди очень скудной обстановки. Воспитаніе его было чрезвычайно и чрезмѣрно суровое. Съ ранняго дѣтства онъ отличался большой любознательностью и до страсти любилъ чтеніе. Благодаря отличной памяти, онъ легко запоминалъ прочитанное, а то, что ему особенно нравилось (какъ напр., описанія битвъ и побѣдъ русскаго оружія), воспроизводилъ въ лицахъ съ увлекательностью и съ жаромъ. Съ 1843 г. Козловъ сталъ учиться въ I-ой Московской гимназійи и сразу занялъ среди своихъ товарищей выдающееся мѣсто. По окончаніи курса въ гимназійи онъ съ 1850—56

учился на словесномъ факультетѣ Московскаго Университета. Особеннаго интереса къ философіи онъ тогда не обнаруживалъ, что немудрено; съ 1850 г. именно и были упразднены философскія кафедры во всѣхъ русскихъ университетахъ (кроме Дерптскаго), а преподаваніе логики и эмпирической психологіи было поручено законоучителямъ. Такимъ образомъ въ это время въ Московскомъ университетѣ не было специалиста—преподавателя философіи; этому предмету обучалъ протоіерей *Терновскій*. Козловъ читалъ по своей охотѣ кой-какія философскія книги, напр., „Критику чистаго разума“ Канта во французскомъ переводѣ *Тиссо*; но это чтеніе не дало большихъ результатовъ. Приобрѣтши степень кандидата, Козловъ поступилъ въ Москвѣ же преподавателемъ русскаго языка и словесности въ Константиновскій межевой институтъ и въ этой должности пробылъ 4 года. Къ этому времени относится начало его литературной дѣятельности. Но онъ писалъ тогда не по философіи, а по политической экономіи (которая преподавалась на историко-филологическомъ факультетѣ, какъ это имѣло мѣсто въ Юрьевскомъ университетѣ до нашихъ дней: пишущій эти строки самъ прослушалъ въ теченіи 2½ лѣтъ полный курсъ политико-экономическихъ наукъ у проф. *Дейцеля*). Козловъ готовился даже стать ученымъ специалистомъ именно по этой наукѣ. Тогда же онъ вмѣстѣ со своимъ закадычнымъ другомъ Вас. Иван. *Покровскимъ* (нынѣ известнымъ статистикомъ) перевелъ на русскій языкъ первый томъ соч. *Roscher*, *Grundlagen der Volkswirtschaft*; этотъ переводъ былъ напечатанъ въ 1860 г. Статьи Козлова (напр., „о кредитѣ въ банкахъ“, „о хозяйственномъ управленіи города Москвы“, „о финансовомъ положеніи Россіи“ печатались въ различныхъ журналахъ: „Московскихъ Извѣстіяхъ“, „Московскомъ Вѣстникѣ“, „Днѣ“, „Финансовомъ Вѣстникѣ“ и т. д. Въ этотъ же періодъ своей жизни онъ ознакомился съ сочиненіями Шарля Фурье, и это чтеніе произвело глубокое впе-

чатлѣніе на молодого человѣка. Что касается его философскихъ убѣжденій за это время, то слѣдуя общему теченію русской мысли, А. А. Козловъ былъ тогда позитивистомъ съ матеріалистической окраскою. Особеннымъ авторитетомъ пользовался тогда въ его глазахъ Л. Фейербахъ. Съ начала 60-хъ годовъ въ Россіи журналисты съ *Чернышевскимъ* и *Писаревымъ* во главѣ усердно пропагандировали среди русской интеллигенціи антропологізмъ Фейербаха и матеріализмъ Бюхнера. Къ этимъ влияніямъ присоединялись черезъ журналистику же влияніе англійскаго позитивизма и эволюціонизма. Чрезвычайно мѣткую характеристику умственныхъ вѣяній въ Россіи 60-хъ годовъ даетъ самъ нашъ авторъ въ книгѣ „Религія графа Л. Н. Толстого, его ученіе о жизни и любви“, II изд. стр. 71. „Матеріализмъ вошелъ къ намъ вмѣстѣ съ Бюхнеромъ, Фохтомъ, Моленоттомъ и т. п., а главное съ распространеніемъ естественныхъ наукъ, относительно которыхъ, благодаря жалкому состоянію у насъ философскаго мышленія, еще и теперь господствуетъ предразсудокъ, будто ихъ выводы представляютъ безусловную истину, между тѣмъ, какъ они условны.... Антропологізмъ, то явно и сознательно, то тихомолкомъ и безсознательно дѣлающій человѣка средоточіемъ всего существующаго, вошелъ къ намъ съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ формахъ. Изъ Англіи онъ пришелъ къ намъ въ видѣ тамошняго сенсуализма и ассоціанизма и въ доктринѣ относительности всякаго знанія (Льюисъ, Милль, Бэнъ, Спенсеръ и пр.); изъ Франціи по преимуществу въ видѣ различныхъ философско-соціальныхъ и политическихъ ученій (сень-симонизма, фурьеризма Пьера Леру, Луи Блана, Огюста Конта и т. п.); изъ Германіи въ видѣ философіи Фейербаха, поставившаго человека *in abstracto* на мѣсто, прежде занимаемое Богомъ, или природою. Соціализмъ пришелъ къ намъ со всѣхъ сторонъ: изъ Франціи въ видѣ вышеупомянутыхъ и другихъ не названныхъ нами доктринъ, изъ Англіи въ видѣ ученія Р. Оуена,

изъ Германіи въ видѣ ученій Маркса, Лассалья и т. п. Кромѣ общей подкладки антропологизма, по которой всяческое развитіе и прогрессъ не могутъ имѣть никакой другой цѣли, кромѣ счастья человѣка вообще, социалистическія теоріи проповѣдывали исключительную заботу, преимущественно, о счастьи низшихъ классовъ народа, для осуществленія котораго не слѣдуетъ останавливаться передъ какими бы то ни было жертвами (передъ погибелью цивилизаціи, культуры, просвѣщенія и т. п.). Во Франціи изъ социализма возникло даже нѣчто въ родѣ культа пролетаріямъ и черни, въ подражаніе которому и у насъ появилось идолопоклонство передъ *мужикомъ*; на него надѣялись, какъ на новаго мессію, который, выступивши на историческую сцену, принесетъ откровеніе, имѣющее разрѣшить къ общему удовольствію и счастью всѣ нравственныя, правовыя, общественныя и экономическія затрудненія, съ которыми не можетъ до сихъ поръ справиться ни религія, ни наука, ни общество. Эволюціонизмъ пришелъ къ намъ съ системою Спенсера и потомъ съ дарвинизмомъ, и наконецъ позитивизмъ, отрицающій метафизику и возможность познанія сущности и причины міра, міровыхъ законовъ, цѣли и т. п. возникъ изъ нѣсколькихъ источниковъ. Изъ Англіи онъ явился въ общемъ духѣ англійскаго эмпиризма, сенсуализма и скептицизма; изъ Франціи онъ перенесенъ къ намъ въ видѣ позитивизма Конта, поскольку онъ выраженъ только въ его „Курсѣ положительной философіи“. Изъ Германіи онъ пришелъ въ видѣ отголосковъ отъ „Критики чистаго разума“ Канта. Таковы были царившія тогда на Руси доктрины, почти не встрѣтившія серьезнаго отпора. Сомнѣваться въ истинности ихъ считалось глупымъ, даже безчестнымъ и навлекало подозрѣніе въ шпіонствѣ.....

Оставивши казанное учительство, А. А. Козловъ былъ воспитателемъ и учителемъ въ различныхъ богатыхъ домахъ, а потомъ обратился къ практической дѣятельности, а именно,

переселился окончательно въ деревню и занялся сельскимъ и лѣснымъ хозяйствомъ. И только теперь онъ начинаетъ постепенно переходить къ тому дѣлу, которое должно было поглотить всю его остальную жизнь, т. е. къ философіи.

Долгіе зимніе вечера въ деревнѣ А. А. Козловъ проводилъ за разнообразнымъ чтеніемъ. Между прочимъ случайно попала ему въ руки книга *Фрауэнштедта* „*Briefe über die Schopenhauersche Philosophie*“. Чтеніе этой увлекшей его книги стало для Козлова началомъ его специально философскихъ штудій. Онъ съ восторгомъ изучаетъ Шопенгауера и становится „пессимистомъ“. Долгое время онъ носился съ мыслью перевести на русскій языкъ главное сочиненіе Шопенгауера „*Міръ, какъ воля и представленіе*“, но это по цензурнымъ условіямъ было невозможно. Тогда онъ удовольствовался обработкою сочиненія *Гартмана* „*Философія безсознательнаго*“, которое онъ частью перевелъ, частью изложилъ. Эта переработка Гартмана появилась въ Москвѣ въ 2-хъ томахъ въ 1873—75 гг. подъ заглавіемъ „*Сущность мірового процесса или философія безсознательнаго*“. Она нашла себѣ въ публикѣ огромное распространеніе и сразу сдѣлала имя А. А. Козлова извѣстнымъ. Покойный Дьяковъ въ одной изъ своихъ повѣстей изображаетъ нигилистку въ часы досуга штудирующею, лежа на диванѣ, именно Гартмана въ обработкѣ Козлова, и выписывающею на бумажку оттуда всѣ мудренныя слова съ цѣлью потомъ хвастнуть ими. Книга эта дѣйствительно сразу стала модною.

Освободившись, благодаря изученію Шопенгауера, отъ позитивизма, и видя въ философіи науку возможную и самостоятельную, Козловъ обратился къ ея изученію съ тою же беззавѣтною страстью, какою и раньше онъ всегда отличался во всѣхъ своихъ занятіяхъ. Плодами его мышленія явились, кромѣ двухъ журнальныхъ статей (въ „*Знаніи*“): „*Критика „Историческихъ Писемъ“ Миртова (П. Л. Лаврова) и „Владимиръ*

Соловьевъ, какъ философъ“, (по поводу его книги „Кризисъ западной философіи“), гдѣ онъ уличаетъ Соловьева въ смѣшеніи понятій религіи, богословія и философіи,—оригинальное сочиненіе „Философскіе Эгюды“, т. I, Кіевъ 1876, въ которомъ Козловъ является рѣшительнымъ защитникомъ правъ философіи. Исходя изъ факта сомнѣнія въ томъ, что философія обладаетъ опредѣленными задачами и методою и приноситъ какую бы то ни было пользу, Козловъ задается цѣлью изслѣдовать предметъ философіи, ея методу, направленія, ея значеніе въ человѣческой жизни и наконецъ ея отношенія къ прочимъ наукамъ. Эти вопросы должны были быть рѣшены индуктивно на основаніи обобщенія тѣхъ данныхъ, какія представляетъ исторія философіи. Въ первомъ отдѣлѣ этого тома Козловъ на основаніи содержанія философскихъ ученій и опредѣленій философіи, данныхъ ея представителями, приходитъ къ заключенію, что предметъ философіи есть понятіе міра, какъ цѣлаго, какъ системы вещей. Второй отдѣлъ трактуетъ о философской методѣ и различныхъ направленіяхъ въ философіи, начиная съ Талеса и до Сократа. Въ предисловіи Козловъ высказываетъ руководящія идеи своего труда въ такихъ положеніяхъ: 1) Философія съ самаго начала и всегда имѣла свой особенный предметъ, который не можетъ и не долженъ быть смѣшиваемъ съ предметами другихъ наукъ. Хотя нѣкоторые философы и не признавали этого ясно и иногда впадали въ подобное смѣшеніе задачъ, но и у нихъ всетаки можно выдѣлить доктрины собственно философскія отъ побочныхъ. А чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ все яснѣе и яснѣе становится сознаніе философовъ относительно предмета ихъ науки, въ будущемъ же врядли уже возможны колебанія мнѣній на этотъ счетъ. 2) Если философія за время своей исторіи обладала собственнымъ предметомъ, то, разумѣется, былъ у нея и соотвѣтственный методъ. Попадающіяся ошибки объясняются чрезмѣрной трудностью предмета.

Ибо, хотя философскій методъ и во многомъ отличается отъ методовъ прочихъ наукъ, но не настолько, чтобы не имѣть съ ними ничего общаго, и даже имѣть много важныхъ общихъ чертъ. Далѣе различіе содержанія системъ и порою даже ихъ существенныя противорѣчія зависятъ не отъ произвола въ примѣненіи метода, а отъ возможности различныхъ направленій и точекъ зрѣнія на предметъ философскаго познанія.

3) Философія имѣетъ большое практическое значеніе и всегда будетъ имѣть его, потому что она удовлетворяетъ той потребности человѣка, которая не можетъ быть и въ приближительной степени удовлетворена какою-либо другой наукою.

4) Философія есть наука, потому что она имѣетъ всѣ характеристичныя признаки науки вообще, а по своему предмету она—самая трудная и наивысшая наука. Она всегда шла наряду съ другими науками, зависела отъ ихъ успѣховъ и страдала отъ ихъ несовершенствъ. Эта связь между философіею и другими науками неизбѣжна и необходима; она приноситъ свои плоды для обѣихъ сторонъ.

Это сочиненіе Козлова обратило на себя вниманіе читающей публики силою діалектики и горячею убѣжденностью тона. О немъ заговорили уже какъ о специалистѣ, философскомъ авторѣ. Это и подало мысль нѣкоторымъ изъ его университетскихъ друзей попытаться пристроить Козлова при университетѣ; такъ его близкій другъ А. А. *Котляревскій*, проф. славяновѣдѣнія при Кіевскомъ университетѣ (а ранѣе того—предшественникъ Павла Александр. Висковатова по кафедрѣ русской словесности при дерптскомъ университетѣ) приглашалъ его извѣдать свое счастье въ Кіевѣ. Возможность академической карьеры весьма улыбалась Козлову; но различныя обстоятельства препятствовали, повидимому, исполненію этого плана; притомъ ему было уже за 40 лѣтъ. Хотя онъ и не питалъ особенныхъ надеждъ, но онъ воспользовался про-

ѣздомъ черезъ Кіевъ за границу, чтобы выяснить положеніе дѣль.

Здѣсь сначала не оказалось благопріятствующихъ обстоятельствъ. Котляревскій былъ тяжело боленъ; кромѣ него, у Козлова не было друзей въ этомъ университетѣ. Многое зависело также и отъ отзыва о немъ специалиста. Профессоромъ философіи былъ тогда въ Кіевѣ довольно извѣстный Сильвестръ Сильв. *Гогоцкій*, 63-лѣтній старикъ, изъ духовнаго званія, воспитанникъ и бакалавръ мѣстной духовной академіи, перебравшійся потомъ на службу въ университетъ, несмотря на упорное противодѣйствіе нѣмецкой партіи. Гогоцкій преподавалъ въ академіи, и потомъ въ университетѣ различные предметы: польскій языкъ (отъ знанія котораго онъ впоследствии по политическимъ соображеніямъ отрешивался), нѣмецкій языкъ, богословскія дисциплины и философію. Онъ писалъ довольно много, но извѣстенъ, преимущественно, своимъ „Философскимъ Лексикономъ“ въ 4 томахъ. По упраздненіи философскихъ кафедръ въ російскихъ университетахъ онъ былъ переименованъ въ проф. педагогіи, а въ 1867 году Министръ Народнаго Просвѣщенія вернулъ ему его прежнюю кафедру. Держась болѣе всего философіи Гегеля, онъ считался среди своихъ молодыхъ коллегъ „отсталымъ“; притомъ онъ не обладалъ достаточной твердостью характера, чтобы завоевать себѣ какой-либо авторитетъ и уваженіе. Поэтому большинство профессоровъ вообще не имѣли ничего противъ того, чтобы наряду съ Гогоцкимъ дѣйствовалъ въ Кіевскомъ университетѣ преподаватель сравнительно помоложе и болѣе моднаго направленія. Гогоцкій былъ уже знакомъ съ работами Козлова, принялъ его дружественно, просилъ и впредь „похаживать“ къ нему, но обѣщаться ничего не могъ. Повидимому, не оставалось надеждъ. Но у Гогоцкаго Козловъ встрѣтилъ проф. русской словесности Александра Ив. *Селина*, тогдашняго декана историко-филологическаго факультета и

весьма вліятельнаго чловѣка. Селинь, одинъ изъ старыхъ могиканъ романтизма (à la Красовъ), былъ чрезвычайно увлекающеюся и энтузіастической натурою. Козловъ всею своею манерою произвелъ на него блестящее впечатлѣніе, а прекрасное изложеніе теоріи „потенцій“ романтика Шеллинга привело Селина въ неистовый восторгъ, такъ что онъ навѣрняка обѣщаль Козлову устроить его дѣло и честно сдержаль свое обѣщаніе. „Философскіе Этюды“ были публично защищены въ качествѣ диссертациі pro venia legendi, затѣмъ Козловъ прочелъ требующіяся уставомъ пробныя лекціи, одна изъ которыхъ была напечатана подъ заглавіемъ „Два основныхъ положенія философіи Шопенгауера“. Козловъ развиваль здѣсь ту мысль, что Шопенгауеръ обладаетъ полною и законченною системою, сущность которой заключается въ развитіи двухъ положеній, примѣняемыхъ къ природѣ, искусству и нравственности: 1) Шопенгауеръ вмѣстѣ съ Кантомъ заключаетъ, что, если отнять мыслящій субъектъ, т. е. носителя міра, то весь чувственный и объективный міръ со всѣми солнцами и планетами есть не болѣе, какъ наше представленіе; 2) независимо отъ Канта, Шопенгауеръ выработаль положеніе, что міръ есть воля, и притомъ воля единая и необусловленная.

Такимъ образомъ въ 1876 году Козловъ былъ допущенъ въ качествѣ приватъ-доцента къ преподаванію философіи при Киевскомъ университетѣ. Гогоцкій уступилъ ему обязательные курсы логики и исторіи философіи, оставивъ за собою психологію и педагогію. Такіе же предметы читаль Козловъ на открытыхъ при университетѣ женскихъ высшихъ курсахъ.

Его появленіе на философской кафедрѣ не прошло незамѣченнымъ. На него одновременно напали печатно два позитивиста, его коллега по университету, доцентъ Пав. *Аландскій*, даровитый филологъ, рано погибшій для отечественной науки, и проф. философіи при Нѣжинскомъ Институтѣ

Н. Я. Гротъ. Аландскій хотѣлъ показать, что философія не есть наука, и что ее можно замѣнить другими, спеціальными науками. Но Козловъ доказалъ ему въ своемъ отвѣтѣ, что онъ велъ всю свою полемику противъ философіи именно съ точки зрѣнія философіи же, а не отдѣльныхъ наукъ, что подъ различными неопредѣленными выраженіями, както: „наука“, „система наукъ“, „связь теорій спеціальныхъ наукъ“ и т. д. онъ подразумѣваетъ, собственно говоря, ту дѣятельность духа, которая именно образуетъ философію, что какъ только онъ пытается указать тѣ науки, которыя исполняютъ то, на что претендуетъ философія, онъ обнаруживаетъ либо ложное пониманіе предмета спеціальныхъ наукъ, либо недостаточно точно разграничиваетъ родственныя науки, а слѣдовательно, злоупотребляетъ словомъ „наука“. Абстрактное понятіе науки, какъ таковой, не заключаетъ въ себѣ никакого опредѣленнаго представленія о формулированномъ ученіи. Въ этомъ случаѣ мы отвлекаемся ото всякаго опредѣленнаго содержанія и мыслемъ только самое знаніе и общіе признаки наукъ, напр., систематическую и логическую обработку и т. д. А если какое-либо опредѣленное содержаніе дѣйствительно не принадлежитъ никакой отдѣльной наукѣ, то оно будетъ не „наукою вообще“, а особенною, частною наукою, которая и носитъ названіе философіи.

Всѣхъ своихъ противниковъ, въ томъ числѣ и Грота, и Аландскаго, Козловъ жестоко отдѣлалъ въ своемъ сочиненіи „Философія, какъ наука“, служащемъ уничтожающимъ отвѣтомъ на всѣ появившіяся рецензіи его труда. Спеціально Гроту и его трудамъ „Психологія чувствованій“ (магистерская диссертация) и „Къ реформѣ науки логики“ (докторская дисс.) Козловъ посвятилъ еще два „Критическихъ этюда“, гдѣ онъ доказывалъ научную несостоятельность этихъ диссертаций Грота, съ чѣмъ послѣдній и самъ потомъ отчасти согласился.

Съ тѣхъ поръ Козловъ все свое время посвятилъ фило-

софіи. Плодомъ и свидѣтельствомъ его занятій служили многочисленныя обширныя рецензіи различныхъ нѣмецкихъ и французскихъ сочиненій, появлявшіяся въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ (о книгахъ Лассвица, Гёринга, Крауса, Румпеля и т. д.). Въ 1879 году, т. е. 48 лѣтъ отъ роду Козловъ сдалъ магистерскій экзамень у Гогоцкаго.

Еще одному появившемуся въ это время сочиненію Козлова суждено было привлечь на себя живое вниманіе общества и молодежи. Мы разумѣемъ быстро раскупленную и нынѣ очень рѣдкую книгу „Философія дѣйствительности“, посвященную критическому обзору и обсужденію философской системы знаменитаго Евгенія Дюринга.

„Философія дѣйствительности“ заключаетъ въ себѣ 4 части, изъ которыхъ три изображаютъ ученіе Дюринга, а четвертая содержитъ „критическія замѣчанія“. I часть опредѣляетъ „основныя формы бытія по Дюрингу“, вторая трактуетъ объ „основныхъ принципахъ его ученія о природѣ“, въ III части сдѣланъ сводъ его „ученія о человѣкѣ“, а именно: 1) элементы сознанія, 2) нравственность, право и усовершенствованіе человѣчества, 3) общественный бытъ и исторія, 4) повышеніе цѣнности жизни и 5) общая характеристика социализованной общественной жизни. „Критическія замѣчанія“ содержатъ: § 1—личный характеръ Дюринга и выставленный имъ принципъ, по которому философія является выраженіемъ нравственнаго настроенія, § 2—замѣчанія на его гносеологію, метафизику и философію природы, § 3—критику этики, социологіи и другихъ частей Дюринговой системы и § 4—общее сужденіе о философіи Дюринга. Эта система въ цѣломъ, по мнѣнію Козлова, неудовлетворительна, потому что ей недостаетъ главнаго признака системы, а именно—единого принципа. Отдѣльныя части ея связаны не единымъ принципомъ, а только единствомъ субъективнаго настроенія самаго Дюринга. Этимъ то и объясняется основной ея грѣхъ:

части системы, которыя обыкновенно выводятся изъ основъ ея, у Дюринга получаютъ надъ послѣдними перевѣсъ. Центр тяжести лежитъ у него не въ теоріи познанія и не въ метафизикѣ, даже не въ этикѣ, которыя все же ближе къ нимъ, а въ *ученіи объ общество*, которое собственно должно бы основываться на этикѣ. Этотъ недостатокъ единства системы Дюрингъ не сумѣлъ прикрыть важными открытіями и оригинальными концепціями. Впрочемъ, нельзя отказать Дюрингу въ относительной оригинальности и талантѣ. Специальное значеніе теоретической дѣятельности Дюринга лежитъ въ попыткѣ представить социализмъ въ качествѣ полного и единого міровоззрѣнія, основывающагося, съ одной стороны, на данныхъ современныхъ положительныхъ наукъ, а съ другой стороны,—на результатахъ нынѣшняго философскаго мышленія. Хотя эта попытка и не удалась (потому что Дюрингъ пытался сблизить совершенно непримиримыя направленія, както матеріализмъ и раціоналистическій идеализмъ), но знакомство съ философіею Дюринга, несомнѣнно, будетъ, какъ полагаютъ по мнѣнію Козлова, небезполезнымъ для всякаго.

Козлову предлагали представить эту интересную книгу въ факультетъ въ качествѣ магистерской диссертациі, но для этой цѣли онъ написалъ особую книгу, а именно, второй томъ „Философскихъ Этюдовъ“ въ которомъ онъ занимается „методомъ и философіею Платона“ и приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ: I) о методѣ Платона. Въ построеніи философскаго познанія Платонъ употребилъ, какъ логическіе методы вообще (индукцію, аналогію, опредѣленіе, классификацію), такъ и въ особенности—гипотезу; основаніемъ послѣдней служила критика и анализъ основныхъ понятій, данныхъ предшествовавшимъ періодомъ философскаго развитія. Главнымъ орудіемъ при построеніи системы служилъ Платону логическій законъ противорѣчія. Этотъ законъ рѣшалъ дѣло въ процессѣ „очищенія“; онъ же служилъ пробнымъ оселкомъ

въ критикѣ философскихъ системъ и преобразованіи ихъ понятій. Очевидно, что онъ былъ послѣднею инстанціей въ вопросѣ объ истинѣ философскаго знанія, которое можетъ осуществиться только въ системѣ, абсолютно законченной. Такая система предполагаетъ до малѣйшихъ подробностей единство и согласіе съ самой собою, т. е. не содержитъ ни малѣйшихъ противорѣчій. Наконецъ, необходимымъ условіемъ выработки философской гипотезы и діалектической борьбы съ другими системами Платонъ ставитъ „Эросъ“ въ его высшей формѣ, какъ влеченіе къ абсолютной красотѣ, истинѣ и высшему добру. II) О направленіи Платоновой философіи: философія Платона есть,—во первыхъ, наивный реализмъ (ибо Платонъ принималъ полное соотвѣтствіе познанія бытію),—во вторыхъ, рационализмъ (потому что главнымъ факторомъ познанія является у него разумъ и его дѣятельность, мышленіе),—въ третьихъ, апріорисмъ (ибо познающій субъектъ строитъ познаніе собственными силами),—въ четвертыхъ, плюрализмъ (потому, что сущихъ принимается множество), въ пятыхъ, спиритуализмъ (потому что эти сущія непространственны и нематеріальны),—въ шестыхъ, эстетическій эвдемонизмъ, ибо послѣдняя цѣль, если не міра, макрокосма, то, по крайней мѣрѣ, полнаго его представителя, человѣка, микрокосма, есть полное блаженство, состоящее въ обладаніи совершеннѣйшею красотой, истиной и гармоніею.

На основаніи магистерской степени Козловъ въ 1881 году былъ выбранъ въ штатные доценты философіи. Въ слѣдующемъ году онъ получилъ заграничную ученую командировку для дальнѣйшаго усовершенствованія въ философіи и провелъ полгода въ Парижѣ, гдѣ между прочимъ читалъ для тамошней русской колоніи курсъ о философіи Шопенгауера. Когда вышелъ въ отставку Гогоцкій, то Козловъ остался единственнымъ представителемъ философіи при университетѣ св. Владимира.

Къ этому времени относится между другими работами уничтожающая критика Козлова на труд позитивиста проф. М. М. Троицкаго „Наука о духѣ“. Кроме того, подъ редакцію Козлова появился переводъ французскаго учебника исторіи философіи Вебера. Въ 1884 году вышла докторская диссертация Козлова подъ заглавіемъ „Генезисъ теоріи пространства и времени у Канта“.

„Генезисъ теоріи“ etc былъ защищаемъ на диспутѣ въ Петербургскомъ университетѣ у Мих. Ив. Владиславлева. Ученая степень доктора философіи дала Козлову возможность получить экстраординарнаго и въ скоромъ времени ординарнаго профессора.

Но служебныя повышенія не имѣли на Козлова, какъ частенько водится за русскими профессорами, вліянія въ смыслѣ ослабленія энергіи къ научному труду. Напротивъ того, этой энергіи въ старикѣ все какбы прибывало. Не довольствуясь обычною журнальною дѣятельностью, Козловъ чувствуетъ потребность создать органъ для выраженія своихъ собственныхъ все болѣе и болѣе окрѣпавшихъ взглядовъ въ области умозрительной философіи. Такимъ образомъ Козловъ совершаетъ первый на Руси опытъ чисто философскаго спеціальнаго журнала „Философскій Трехмѣсячникъ“, наполнявшійся самимъ Козловымъ безъ сотрудниковъ по всѣмъ рубрикамъ вплоть до хроники и обзорѣнія журналовъ. Важнѣйшія и лучшія статьи въ этомъ журналѣ суть: „Религія графа Л. Н. Толстого (надѣлавшая много шуму, нынѣ имѣющаяся съ дополненіями во второмъ изданіи отдѣльною книгой), „Философія мистики“ (К. Дюпрель), „Тардъ“, „О множественности состояній сознанія“, „Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики“ и т. д. Журналъ пріобрѣталъ уже (правда, немногочисленный) кругъ вѣрныхъ, интересующихся читателей. Хотя онъ не приносилъ Козлову никакой матеріальной выгоды, но неумолимый философъ имѣлъ твердое намѣреніе продолжать изданіе и добиваться

распространенія среди русскаго общества знакомства съ философіею.... Въ силу непредвидѣннаго и ужаснаго обстоятельства всѣмъ планамъ нашего мыслителя суждено было остаться невыполненными.

Въ 1886 г. Козловъ былъ разбитъ параличемъ. Хотя его лѣчили со всѣми новѣйшими научными приѣмами, но онъ остался неизлѣчимымъ параплегикомъ, и лишился употребленія цѣлой половины тѣла. Къ счастью мозгъ не потерпѣлъ отъ удара, и мыслительная сила, какъ и прочія духовныя способности, не ослабли. Зато Козлову пришлось выйти въ отставку на пенсію. Съ этого момента начинается уже только философская жизнь Козлова: тѣлесный, внѣшній человѣкъ, плоть отмерла, остался лишь внутренній человѣкъ, философъ. Лучшія и важнѣйшія работы Козлова появились послѣ этого событія.

Къ этому же времени относится окончательная выработка и ясная формулировка собственныхъ философскихъ воззрѣній Козлова. Удалившись отъ Канта и Шопенгауера, онъ сдѣлался приверженцемъ той философіи, которая была основана Лейбницемъ, и которую Козловъ называетъ *панпсихизмомъ* (по моему названію—*критическій индивидуализмъ*). Тогда же онъ основательно ознакомился съ сочиненіями лучшаго представителя этого направленія въ современной Европѣ, покойнаго профессора Дерптскаго университета Густава Тейхмюллера, моего учителя, а также съ сочиненіями Лопце, философскіе взгляды котораго имѣютъ нѣкоторое, хотя и небольшое, родство съ *персонализмомъ* Тейхмюллера. Съ послѣднимъ Козловъ ознакомился сначала, какъ съ историкомъ философіи, именно съ его сочиненіями о Платонѣ (когда Козловъ заканчивалъ собственное изслѣдованіе о Платонѣ, ср. тамъ же стр. 138—141). Уже завершивши выработку своего міровоззрѣнія, Козловъ ознакомился и съ системой Тейхмюллера и, какъ онъ неоднократно заявлялъ и устно, и печатно, съ благодарностью поучился

у него кой-чему. И Лопце (напр., въ теоріи пространства), и Тейхмюллеръ не остались безъ нѣкотораго вліянія на Козлова.

О своихъ отношеніяхъ къ Тейхмюллеру Козловъ говоритъ въ статьѣ: „Густавъ Тейхмюллеръ“, которая, къ слову сказать, представляетъ собою, вѣроятно, наилучшее изъ всего до сихъ поръ написаннаго о Тейхмюллерѣ. Тейхмюллеръ былъ важенъ для Козлова, во первыхъ, своими классическими работами по „исторіи понятій“. Затѣмъ еще и другіе пункты его теорій были приняты Козловымъ, хотя и не безъ нѣкоторыхъ видоизмѣненій, напр., ученіе о пространствѣ и времени, о сознаніи, движеніи, матеріи, „я“ и т. д. Нѣкоторое преимущество Лопце передъ Тейхмюллеромъ Козловъ видитъ въ томъ, что первый разсматриваетъ проблемы гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ второй.

Послѣ паралича Козловъ почти не могъ уже писать собственноручно и принужденъ былъ диктовать. Но литературная производительность его не уменьшалась въ количествѣ и все выигрывала въ качествѣ. Онъ выпустилъ въ свѣтъ четвертую и послѣднюю тетрадь „Философскаго Трехмѣсячника“, а послѣ двухлѣтняго перерыва началъ вмѣсто него издавать философско-литературный сборникъ „Свое Слово“, котораго уже вышло 4 тома; въ непродолжительномъ будущемъ появится и пятый томъ. Главное мѣсто въ этомъ изданіи занимаютъ „Бесѣды съ Петербургскимъ Сократомъ“. Здѣсь въ формѣ изящнаго діалога Козловъ подъ псевдонимомъ „Платона Калужскаго“ излагаетъ сущность своихъ собственныхъ философскихъ воззрѣній. Діалоги ведетъ въ качествѣ главной *persona dramatis* неутомимый, остроумный діалектикъ, Петербургскій чиновникъ, истинно русскій человекъ по рѣчи и складу души, получившій за свою страсть къ философіи шуточное прозвище „Сократа“.

Къ положительной задачѣ сборника, изложенію собственной системы въ духѣ Лейбница, присоединяется и соответствующая ей отрицательная, состоящая въ полемикѣ или въ борьбѣ съ направленіями, враждебными направленію „Своего Слова“, именно съ *позитивизмомъ* и обыкновенно тѣсно съ нимъ связаннымъ *материализмомъ*. Большая часть этихъ полемическихъ статей написано по поводу критическихъ замѣчаній, сдѣланныхъ разными лицами противъ „Своего Слова“.

Первая книжка представляетъ нѣчто вродѣ введенія въ систему, излагаемую въ „Бесѣдахъ“. При указаніи основныхъ понятій системы: *субстанціи* и *акциденціи* защищается мысль, что субстанціи не находятся въ пространствѣ и сами по себѣ недоступны внѣшнимъ чувствамъ; а такъ какъ существуютъ только субстанціи со своими акциденціями, то дѣйствительное бытіе есть духовное, а не матеріальное; при этомъ оспариваются два противоположныя мнѣнія: 1) будто бы матеріальные атомы суть субстанціи, и что 2) будто бы вообще субстанцій не существуетъ. Авторъ подкрѣпляетъ свое опроверженіе объясненіемъ, что матеріальныя тѣла суть не болѣе, какъ видимость, или значки, символы, подъ которыми для насъ, существъ несовершенныхъ, является какъ дѣятельность дѣйствительныхъ духовныхъ субстанцій, такъ отношеніе и связь ихъ другъ съ другомъ и съ нами.

Вторая книга трактуетъ объ *основъ* всей философіи,—понятіи бытія, причѣмъ критически разсматриваются не только ходячія и популярныя опредѣленія бытія или существованія, но и опредѣленія нѣкоторыхъ знаменитыхъ философовъ, напр., Канта, Юма, Шопенгауера, Декарта. Затѣмъ предлагается собственное опредѣленіе понятія бытія.

Главное содержаніе третьей книжки касается понятія *времени*; по поводу его снова затрагивается—понятіе бытія, а также понятія религіи и причинности. Относительно понятія времени развивается основное положеніе, что міръ въ его

дѣйствительномъ бытіи безвремененъ, чего однако не должно смѣшивать съ предположеніемъ безконечнаго времени. *Безвременность* или вѣчность міра нужно понимать такъ, что дѣйствительное міровое бытіе не имѣетъ никакого отношенія ко времени, потому что время не есть нѣчто реальное, а существуетъ лишь въ нашей мысли вслѣдствіе ограниченности природы человѣческаго существа. Время есть только точка зрѣнія, съ которой наше мышленіе *располагаетъ* и *упорядочиваетъ* акты, какъ нашей собственной субстанціи, такъ и всѣхъ другихъ субстанцій, съ которыми мы связаны въ мірѣ. Далѣе указывается по поводу какихъ реальныхъ актовъ наше мышленіе образуетъ идею времени, и черезъ какія стадіи развитія проходитъ эта идея. Здѣсь же дѣлаются замѣчанія относительно воззрѣній на время нѣкоторыхъ мыслителей, напр., блаж. Августина, Канта, Шопенгауера.

Четвертая книжка трактуетъ о третьемъ основномъ философскомъ понятіи—пространствѣ. Здѣсь прежде всего оспариваются мнѣнія, что оно есть о себѣ сущая *реальность*, что оно есть чистая апіорная форма созерцація, и что идея пространства образуется изъ ощущеній. Въ противоположность этимъ воззрѣніямъ доказывается, что пространство, подобно времени, не реально и само по себѣ не существуетъ, но что оно представляетъ точку зрѣнія, съ которой люди, въ качествѣ мыслящихъ существъ, распределяютъ и упорядочиваютъ акты своей ощущающей дѣятельности, сперва мускульно-осязательной и зрительной, а потомъ постепенно и другихъ дѣятельностей. Къ этому отрицанію реальности пространства самого по себѣ, присоединяется и отрицаніе реальности разныхъ пространствъ *кривыхъ* и болѣе, чѣмъ трехъ измѣреній, о которыхъ говорятъ такъ называемыя метаматематическія и пангеометрическія доктрины ученыхъ математиковъ, но которыя не имѣютъ никакого реального значенія. Эти доктрины представляютъ только условное и символическое

математическое ученіе, которое может имѣть приложеніе въ разрѣшеніи чисто математическихъ задачъ. Кромѣ вопроса о природѣ пространства, въ четвертой книгѣ объясняются нѣкоторыя тѣсно связанныя съ нимъ понятія, особенно же относящіяся къ философіи Канта, както понятія: созерцанія, представленія, апріорности, вещи самой въ себѣ и проч. Въ той же книгѣ по поводу критическаго разбора одного сочиненія есть объяснительная статья о понятіи бытія и времени.

Вотъ краткій перечень важнѣйшаго содержанія четырехъ книжекъ „Своего Слова“. Каждая книга содержитъ въ себѣ по нѣсколько полемическихъ и объяснительныхъ статей, рецензій, разборовъ и т. д. Все написано исключительно самимъ издателемъ. О содержаніи печатающейся пятой книжки мы не замедлимъ оповѣстить читателей, какъ только она появится.

Когда былъ основанъ второй философскій журналъ „Вопросы философіи и психологіи“ въ Москвѣ, ставившій себѣ задачею соединить разбросанныя силы русскихъ философовъ, то Козловъ принялъ въ этомъ журналѣ очень живое участіе, особенно въ началѣ. Не выходило почти ни одной книжки, которая не заключала бы въ себѣ хотя бы одной статьи или рецензій Козлова, иногда даже нѣсколько. Больной и разслабленный, престарѣлый мыслитель оказался куда ретивѣе и производительнѣе многихъ своихъ здоровыхъ и младшихъ собратьевъ по предмету.

Въ 1891 Козловъ со своимъ семействомъ переселился изъ Кіева въ Петербургъ, гдѣ проживаетъ и до сихъ поръ. Большую часть дня ему приходится проводить на одрѣ болѣзни. Недостатокъ движенія физическаго по неволѣ приходится возмѣщать усиленнымъ движеніемъ мысли. Онъ почти постоянно занятъ чтеніемъ. Держась стариннаго правила *nulla dies sine linea*, онъ почти ежедневно что-нибудь диктуетъ. Этою правильностью и объясняется поразительная для старика производительность философскаго творчества.

Среди его многочисленныхъ философскихъ трудовъ окончательнымъ выраженіемъ его воззрѣній, какъ извѣстно, долженъ считаться, по преимуществу, оригинальный сборникъ „Свое Слово“.

Въ помѣщенныхъ тамъ „Бесѣдахъ съ петербургскимъ Сократомъ“ почтенный авторъ излагаетъ свои убѣжденія въ систематическомъ видѣ, пользуясь для того формою *діалога*. Эта литературная форма обыкновенно считается уже нѣсколько устарѣлою, по А. А. Козловъ мастерски владѣеть ею и отлично пользуется всѣми преимуществами, какія она представляетъ именно для философскаго изложенія ¹⁾, давая представлять и развивать различные *puncta controversiae*.

Нельзя не отмѣтить, что въ этихъ „бесѣдахъ“ авторъ выказалъ себя и большимъ мастеромъ философскаго стиля, и большимъ *художникомъ*. Діалоги эти, приписываемые авторомъ мнѣическому псевдониму „Платону Калужскому“, не только могутъ претендовать на званіе строго философскихъ произведеній, но и смѣло могутъ быть причислены къ художественнымъ діалогамъ: они обладаютъ несомнѣнными эстетическими достоинствами, которыя обличаютъ въ авторѣ натуру, совмѣщающую въ себѣ выдающуюся способность къ логическому философскому мышленію съ поэтическимъ дарованіемъ. Всѣ совопросники Сократа очерчены очень живо и представляютъ собою не манекеновъ, а подлинныхъ живыхъ людей, обладающихъ каждый своимъ особеннымъ складомъ ума, темпераментомъ, выказывающихъ особенности званія, пола, возраста и, что всегда интересно,—національности. Собесѣдники петербургскаго Сократа — русскіе настолько же, какъ

¹⁾ Надобно замѣтить, что и на Западѣ нѣкоторые философы прибѣгаютъ къ этой же діалогической формѣ для изложенія своихъ задушевныхъ мыслей такъ, напр., постуналъ почтенный старецъ *Secretan* и др. Ср. *Teichmüller's Reise in den Himmel*.

всѣ собесѣдники заправскаго, Платонова Сократа—настоящіе эллины. Одинаковыми эстетическими достоинствами обладаютъ какъ персонажи, заимствованные А. А. Козловымъ у *Достоевскаго* (Красоткинъ, Карамазовъ), такъ и лица, созданныя его собственною фантазіею. У лицъ заимствованныхъ поддерживается и дорисовывается обликъ, данный имъ Достоевскимъ; самъ же *Сократъ съ Песковъ* (равно и кое-кто изъ окружающихъ его) есть новый, чрезвычайно любопытный и оригинальный типъ, введенный авторомъ въ русскую литературу и тоже настоящій русскій по духу, по способу выраженія, по манерамъ и по образу жизни.

Сократъ осторожно и послѣдовательно развиваетъ свою метафизическую точку зрѣнія. Ему приходится бесѣдовать съ лицами самого разнообразнаго характера, направленія и образованія, случается иногда разговаривать и съ вовсе неподготовленными къ философской бесѣдѣ, которые подчасъ игнорируютъ философію или вообще,—или же во имя „точной“ науки; иногда ему попадаются, наконецъ, лица, вообразившія себя даже знатоками философіи, но въ своей невѣжественной нетерпимости презирающія въ частности то „ненаучное“ направленіе философіи, къ коему примыкаетъ Сократъ, наивно предполагая, что философію знать и о достоинствѣ каждаго философскаго направленія разсуждать можно, не посвятивши себя *спеціальному* изученію философіи. Какъ извѣстно, это—самый непріятный для настоящаго философа классъ людей, къ сожалѣнію, довольно многочисленный у насъ на Руси. На ихъ нападки приходится отвѣчать и защищаться довольно энергично: вѣдь и противники не щадятъ Сократа, стараются изловить его въ противорѣчіяхъ и, не сочувствуя его странной философіи, не церемонятся въ выраженіяхъ. Сократъ же не только побываетъ противниковъ съ формально-логической стороны, но пытается еще привести оппонентовъ къ сознанію ихъ собственной философской неправоты, а лучшихъ изъ

нихъ и наименѣе затемненныхъ разными предразсудками намѣревается даже склонить на свою сторону, завербовать въ свои ряды.

Этимъ обусловливаются два неопѣненные свойства діалоговъ Козлова, дѣлающія ихъ особенно пригодными для чтенія начинающими:

1) *Популярность*—не въ дурномъ смыслѣ банальности, а въ смыслѣ рациональной доступности и убѣдительности, необходимой философу, говорящему со слушателями, непосвященными и не прошедшими строгой школы философскаго мышленія (философской гимнастики), не обладающими спеціальными свѣдѣніями по исторіи философіи,

и 2) *Критическая обоснованность*, застрахованность отъ возраженій съ различнѣйшихъ точекъ зрѣнія, философскихъ и внѣфилософскихъ, научныхъ и ненаучныхъ: они всѣ уже предусмотрѣны и безповоротно опровергнуты, отвергнуты—съ тактомъ и основательно. Этими качествами отличаются и бесѣды о самыхъ отвлеченныхъ предметахъ, какъ, напр., о понятіи бытія (во II и III книгахъ „Своего Слова“).

Тейхмюллеръ и Козловъ часто касаются однихъ и тѣхъ же проблемъ и рѣшаютъ ихъ въ одинаковомъ духѣ. Но даже и знакомому съ сочиненіями Тейхмюллера весьма поучительно бываетъ вникнуть въ изложеніе Козлова и проштудировать его; равно и наоборотъ. Можно даже сказать, что для большинства читателей „Свое Слово“ Козлова, не говоря уже о большей доступности, гораздо полезнѣе сочиненій Тейхмюллера, которыя (за исключеніемъ немногихъ) предназначены для ученыхъ спеціалистовъ.

Козловъ излагаетъ проблемы *ab ovo*, обстоятельно, спокойно, медлительно; онъ постоянно снабжаетъ свое изложеніе историко-философскими справками и полными исчерпывающими контроверсами. Опѣнить Тейхмюллера и наслаждаться его сочиненіями можетъ только спеціалистъ, получившій философ-

ское образованіе, притомъ еще сродный ему по натурѣ,—кто самъ такой же неутомонный боецъ и обладаетъ пылкостью духа, кто склоненъ къ язвительному персифляжу. Эти свойства изложенія сразу возстановляютъ противъ себя многихъ при чтеніи Тейхмюллера. Козловъ тоже страстный боецъ, но онъ не налетаетъ на врага блестящею кавалерійскою атакою, а даетъ ему развернуться полнымъ фронтомъ; онъ выслушиваетъ врага съ тонкою сократическою ироніей и хитро заводитъ его въ такія дебри и пропасти, что, очутившись въ нихъ, его противникъ самъ ужасается, вполне сознавая въ то же время смѣшную сторону своего положенія.

„Всѣ дороги ведутъ въ Римъ“; Козловъ и Тейхмюллеръ идутъ въ философіи къ одной цѣли, но Козловъ идетъ *своею* дорогой. Его манера письма и изложенія, самый способъ изслѣдованія совершенно разнятся отъ Тейхмюллера. Последняго можно уподобить смѣлому географу-путешественнику, который, впервые ступая на нехоженныя пути и проникая въ невѣдомыя дотолѣ страны, весь поглощенъ созерцаніемъ открывающихся предъ нимъ перспективъ и въ первомъ восторгѣ набрасываетъ бѣглый, но весьма точный абрисъ пройденной дороги и пунктовъ, важныхъ съ его точки зрѣнія. Этотъ маршрутъ, эта съемка мѣстности на глазъ, эти наброски карандашомъ, не прибѣгая къ чертежнымъ и съемочнымъ инструментамъ, съ помощью одной лишь подзорной трубки или полевого бинокля, драгоценны: они даютъ вѣрное понятіе о духѣ мѣстности; но они могутъ страдать еще пробѣлами, т. е. они могутъ казаться не безусловно убѣдительными. Разныя критики, правда, спокойно сидящіе дома и не отваживающіеся послѣдовать его смѣлому примѣру, могутъ ехидно придратъся и заподозрить точность наблюденій и записей. Козловъ же, продолжая сравненіе, это—трудолюбивый и спокойный землемѣръ-топографъ, который, получивъ первыя записи, идетъ въ ту же страну провѣрять перваго смѣльчака-путешественника, направ-

лявшего „руль къ землѣ, еще не открытой, но уже посредствомъ вѣрныхъ умозаключеній познанный“ ¹⁾, и благополучно вступившаго на берегъ этой открытой имъ новой земли. Козловъ идетъ уже съ цѣлымъ тяжелымъ обозомъ, онъ производитъ подробную геометрическую и геодезическую съемку и старается собственными соображеніями и указаніями подтвердить и доказать вѣрность первоначальнаго чертежа, защитить его отъ пустыхъ нападокъ злобныхъ, но не всегда справедливыхъ критиковъ, которые изъ своего угла не видятъ „прекраснаго далека“ и „первоначальную похвальную скромность превращаютъ въ нестерпимую тираннію ограниченныхъ головъ“ ²⁾.

Библиографическія и прочія приложенія къ этой статьѣ читатель найдетъ въ концѣ книги.

¹⁾ «Безсмертіе души» *Тейсмюллера*, русскій переводъ, стр. 196.

²⁾ Тамъ же, стр. 68.